

ПЕРСОНА

Перформанс "Иван Царевич и Царевна-лягушка". Москва, 1993 г.

— Что у вас тут происходит?
— Да вот опять затопили. Соседний ресторан пожар устроил, пожарные набежали, весь дом сверху донизу залили. Здесь, наверху, еще прилично, хотя вон штукатурка начала валиться, а в подвале с моей коллекцией что творилось — ужас! 40 сантиметров воды, костюмы все в подтеках, обувь раритетная плавала везде.

Только сейчас, после многих лет знакомства, замечая, что правая рука Петлюры вся в шрамах.

— Где это тебя угораздило?

— Так это ж с детства. Мне тогда чуть руку вообще не отрезали. Как жас помню — 20 июля, 1958 год. Мой третий день рождения. Все сидят во дворе, выпивают за сына. А сынулька бежит с пацанами по дороге. И вдруг едет полторка. А тогда ж все шофера пижонили, цепи вешали сзади. Вот эта цепочка меня и настигла. Закрутилась вокруг шеи и дернула. Да так, что я улетел прямо под колесо. Рукой — мне повезло, что не головой, не ушами. Но рука стала как лапа. Мать моя как это дело увидела, так сразу — дынь! — и упала. А за ней все остальные в обморок попадали. Пришлось в больницу меня тащить соседям. И опять мне повезло — хирург не дал руку отрезать: сшил ее из кусочков (13 кусков таких было). Вот так.

— И был бы ты сейчас, Петлюра, безруким художником.

— А я делал бы все левой рукой. Я и так в баскетболе мяч бросаю левой. В торец бью левой, добавляю правой — вот так у меня все запущено.

— Подняла архивы и удивилась — со времени последнего нашего интервью прошло ровно 5 лет. Требую отчета о проделанной работе.

— Мы с тобой тогда остановились на том, что я начинал проект — "Империя в вещах". Я его закончил и задокументировал в трех видах — на фотографиях, видеокадрах и в виде 12 маленьких театральных действий, которые заканчиваются живыми заставками инсталляциями. Между прочим, новое слово в искусстве.

— Как это выглядит?

— Ну это такие маленькие сценки. Девочка в платьице ловит сачком бабочек, потом — хоп — застывает на несколько секунд. Или люди с косами в кукурузе тоже — хоп — и застыли. Первые стилиги в московских дворах в штих под Запад костюмах. Вот такое почти немое кино.

— А публика как реагирует?

— Ну ты вообще. Как реагируют? Визжат: как ты до этого додумался — показывать старую одежду в действии! А я ж, на Западе, нашего "совка" не видели, и для них это открытие.

— Свои представления ты делаешь в рамках театральных фестивалей?

— Конечно. Никаких клубов и разных оттопырок. Моя бывшая жена Катрин — она немка — теперь стала моим менеджером и там у них, в Европе, меня пропагандируют. Вот последний раз я участвовал в фестивале "Дефицит" в Италии, в Болонье. Фестиваль такой — альтернативных искусств и всяких экспериментальщиков. А в Бельгии меня принимал "Кай-театр" — первое из русских. И еще пригласили — какой-то там год культуры России, что ли, будет, я даже не знаю. Настояли — говорят нашим чиновникам: "Хотим Петлюру, потому что то, что он делает, не делает никто. Если не приедет — идите тогда на... Лишим дотации".

— Загибаешь!

— Эй-богу, не вру! Спроси хоть Роберта Вилсона или модельершу Донну Каран. Вилсон, это великий режиссер, про мою работу сказал: супер, вот это серьезный проект, тыры-пыры. А Донна вообще говорила: "Я первый раз вижу та-

Есть вечные взрослые и вечные дети. Это уже аксиома. Некоторые в 50 уже с животиками, усталые, серьезные до того, что тоска берет. А вот когда, к примеру, говорят, что художнику и известному коллекционеру одежды Александру Петлюре — полтинник, тут же возникает полное изумление. Да ему от силы-то лет 15–20! Щуплый (если не сказать, худосочный), волосы вроде не седые (хотя почти всегда в панаме или кепке). А уж детской непосредственности и почти цирковой эксцентрики хоть отбавляй.

Петлюру я застала под потолком. Не цирка, а на антресолях, нависающих над входной дверью.

его уникальной квартиры-мастерской на Петровке. Стоя в театральной позе, Александр руководил двумя молдавскими рабочими. Холщовые штаны, оттопыренные на коленках, кепа на голове. Ручками машет.

ПЕТЛЮРЬЕВ

кую лю-бовь к одежде". Она думала, у меня тут команда офигенная, офисы-фигифисы. Да я один колбашу! "Не верю, — говорит, — а сколько у вас в коллекции?" — "Да только обуви почти три тыщи пар", — отвечаю. Да все б ничего, если б меня рестораны эти через стенку еще дерьмом не заливали да аренду бы я не платил наравне с банками и этими самыми ресторанами.

— А сколько ты платишь?

— Раньше 400 долларов в квартал, а сейчас — 1400. Да еще пугают каждый раз: смотри, мол, не ровен час — выгоним.

— Ты же, по собственному выражению, дерматолог, Петлюра, должен уже при-выкнуть.

— Да мне не себя жалко. Коллекцию. Был бы государственный музей, сразу бы набежало народу, стали бы кричать все. А здесь — пропадай пропадом, никому не жалко! А то, что по всему миру народ от моей коллекции одежды "гниет", — по фигу. Вот сейчас было 60 лет Победы. И где, ты думаешь, я делал проект к этому празднику? В Вене. Австрийский минкульт дал мне 10 тысяч евро с одним условием — проект остается у них. Вся программа называлась: "Русские — Вене", а я сделал такие костюмные инсталляции по сюжету фильма "Семнадцать мгновений весны". Одну часть поставили на улице — я там изобразил как бы "пластмассовую войну".

— Это как?

— Ну там пестики, шлемы детские. Наши воины — все в красном, в шлемах зеленых со звездами. И матрешки в руках. Сражаются с немцами, а на заднем плане идут три "весны" — в черных платьях с огромными букетами цветов. А в каком-нибудь венском кафе уже тринадцатый весен — сидят между мирными "тирольцами". По всему городу у меня было 17 таких театрализованных историй. В первый же день фотографии с этих инсталляций были раскуплены! Вот так.

Будущая "Альтернативная мисс Мира" — пани Брони перед выходом на сцену. Лондон, 1998 г.

Саша с мамой на море. 1959 г.

ДЕНЬ

"Я развею прах Брони над миром"

— Удивляюсь я тебе, Петлюра. Ты такой раскрученный на Западе. А здесь сидишь в полуподвальной квартирке с отваливающими стенками и репу чешешь, как бы ее тебе залатать.

— Ты ж понимаешь — нет у нас уважения к художникам, которые сделали центровую культуру. Сейчас приди в любой винтажный магазин — там то, что я делал в 90-е годы. Один в один.

В Швейцарии стали делать на мой манер костюмированные перформансы из альпийской жизни. Но все равно, кроме меня, никто не сможет показать, к примеру, трусы всех времен и сословий. А ведь это наглядная история.

Из досы Мик

Александр Петлюра (Александр Ильич Ляшенко) родился на Украине. Прозвище Петлюра получил за манеру одеваться. Учился в художественном училище на отделении реставрации фресок во Владимире, затем окончил Строгановское училище, отделение проектирования интерьеров.

В 1990-м организовал первый в стране сквот (коммуну) художников в полуразрушенном доме на Петровском бульваре. Здесь он познакомился со своими первыми "звездами": старинными жильцами этого дома пани Броней и ее мужем Абрамчем — и приобщил их к искусству. Арт-коммуна Петлюры стала школой для многих художников и дизайнеров, в том числе таких, как Маша Цигаль и Андрей Бартенев.

Самые запомнившиеся акции Петлюры: 1998 — первое место на фестивале "Альтернативная мисс Мира", Лондон, за перформанс с участием 75-летней пани Брони; 2000–2001 — 12 историй из цикла "Империя в вещах" в культурном центре "Дом", Москва;

2001 — выставка нижнего белья "Гобелены жизни", Нижний Новгород, Санкт-Петербург—Москва; 2002 — главная роль в фильме Дыховичного "Копейка".

— Да, твои "Гобелены жизни" со штопаными подштаниками и лифчиками произвели впечатление.

— В Питере прокуратура сняла с выставки мои экспонаты. У прокурорских, наверное, бабки-матери другие были, не как у всех. Я и сейчас знаю старух, которые новое в шкаф складывают, а старье перелопачивают до последней нитки. Там такие носки — живого места нет, все заштопанное. Выверни наизнанку — мама дорогая! И эта история уходит. Уже дети наши этим не будут заниматься. И крошки аккуратно со стола сгребать да в рот отправлять тоже не будут. Вон Наташка моя, жена, — двадцать лет со мной разницы — уже от пирожков хвостики оставляет, не ест. Я иногда не выдерживаю. "Ты какой пример детям подаешь", — говорю.

— А где, кстати, Наташа с дочками?

— В Тарусе сидит. Дети пока маленькие — Ксюше три года, а Ульяне — полтора. Но уже Наташку пора из быта вытаскивать — она у меня все-таки костюмер.

— В Тарусе у тебя дом?

— Да уже лет десять как. Я все на него смотрел, думал: на фиг он мне нужен. А как девки родились — пришлось доводить его до совершенства. Сейчас там даже Интернет есть. И мастерская большая, куда часть моей коллекции можно перевезти.

— Ты, Петлюра, теперь у нас заделался сельским жителем?

— Таруса — город, чтоб ты знала. В Тульской области. А еще там уже пол-Москвы живет — такой хипповой коммуной.

— Я знаю, у тебя еще и неприятные события случились в жизни.

— В ноябре умерла моя Бронечка, а два месяца назад — Юрий Петрович, мой любимый карлик. Две звезды я потерял за полгода. Броне было 80 лет, и сердце не выдержало.

— Где вы ее похоронили?

— Не было у нее никого родных, и кладбища родового не было. Решили мы тело пани Брони обратить в прах и развеять его по миру — она ж все-таки пожизненная Мисс Альтернатива Мира была. Насыпаем пепел по мешочкам и возем в разные страны. Сейчас вот друг один в Рим поедет — тоже часть нашей Брони туда отвезет. Потом в Австрию. И так везде Бронин след останется.

— Как же ты без актеров?

— Детей своих привлекать буду. Ксюша уже участвовала у меня в перформансе. Вообще-то она Симона-Ксения — ее мама как-то шведская гражданка, и детей рожала в Швеции. Наташка закончила еще до нашего знакомства там университет по лингвистике, а пока Улей была беременная — еще и ювелирные курсы. Вот, смотри, колечко у меня на пальце — сама сделала. Да это колечко-то простое, она сейчас такие выкрутасы по ювелирке выкаблучивает!

— В Москву ты семью, судя по всему, нечасто привозишь?

— А что детям здесь делать? Сыростью давиться? Вот смотри (из вороха старых нарядов Петлюра достает малиновое шелковое платье времен нэпа), на воротнике, видишь, разводы белесые? Чем это отстирывать, если шелк уже разжевывается? А платье это, между прочим, кого-то из сестер Цветаевых.

Самое лучшее — это, конечно, музей сделать. Панорамы нашей жизни. XX века. Манекены понаставить, одежду всю в развернутом виде показать, как она трансформировалась. Только кто ж такой музей мне даст! Хотя, даю на отсечение свою руку, побывавшую под колесом грузовика и чудом спасенную, — ни в одной стране такой панорамы символизма нет.

— А на Запад податься?

— Боюсь я, Мань, от действительности нашей оторваться. Я же перестану историю нашу чувствовать, нух потерю. Я и так сейчас почти ничего не покупаю — средств не хватает.

— Образцово-показательный Петлюра теперь не дает повода слухам?

— Да про что говорили-то? Что я с Броней вел половую жизнь? Еще про то, что живую лошадь в подвале засушил, и кишки из нее висят. Это про муляж, который мне списали из театра "Эрмитаж". Да ну их! Ты лучше на "арт-стрелку" в среду приходи — там будет 50 новых костюмов. По числу прожитых лет. (Вздыхает.)

— Что за трагика в голосе?

— Нету ее, с чего ты взяла. Это не грусть. Впереди только лучшие годы. Я мудрым становлюсь. Я милый, добрый романтик, передовой человек мировых авангардных тусовок, где я все известней и известней. Многие про меня думают: вот зря мы раньше отказывались у Петлюры брать подарки. Теперь-то он недоступный, цены, поди, запредельные. Чего еще желать? Только музейчика какого-никакого.

— А не забронзовеешь?

— Да ты че, Мань, меня, что ли, не знаешь?

Марина ОВЦОВА.